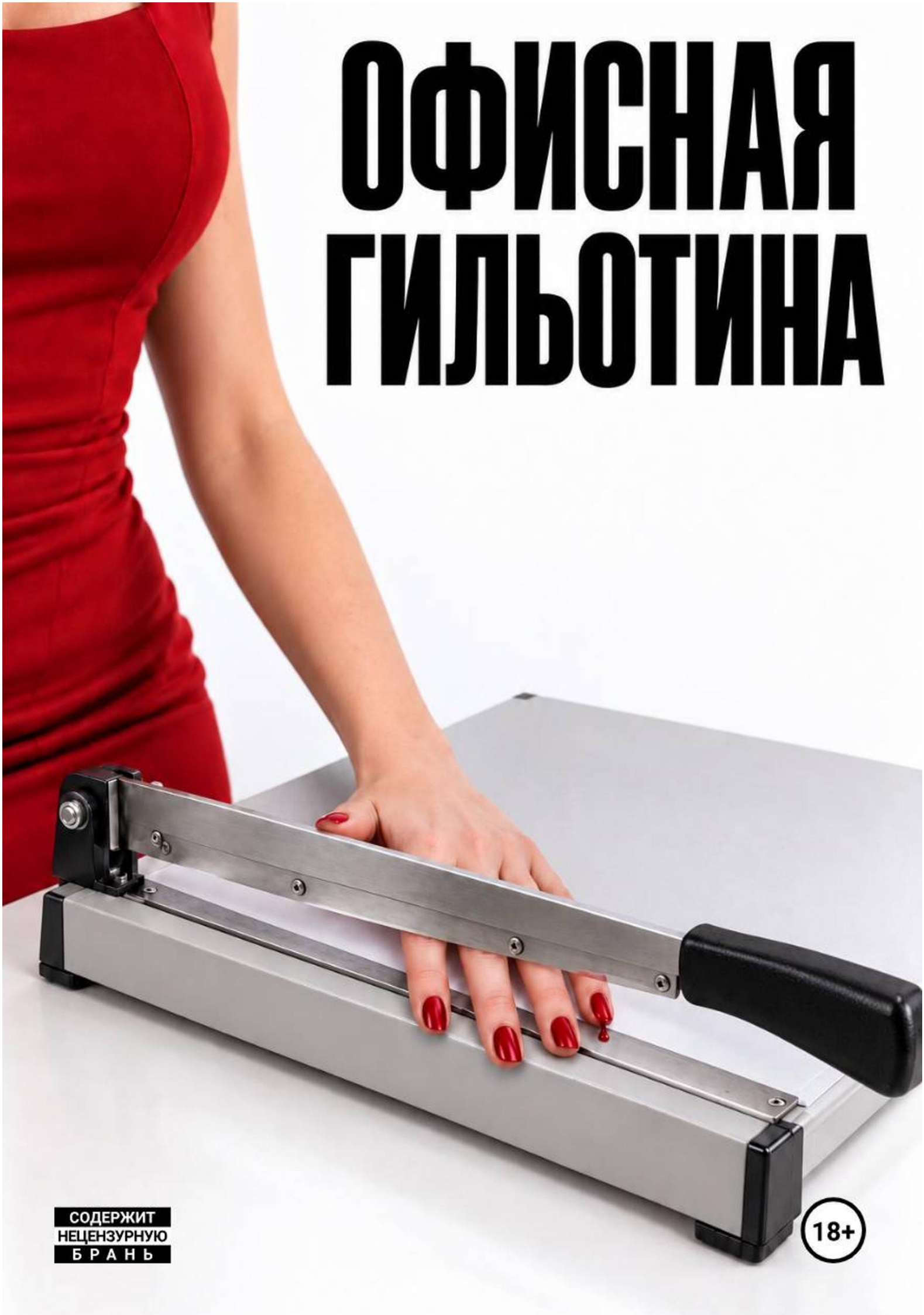
ОФИСНАЯ ГИЛЬОТИНА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Артём Галкин

Офисная гильотина

«Автор»
2026

Галкин А. А.

Офисная гильотина / А. А. Галкин — «Автор», 2026

Илья Воронов собирался закончить рабочую неделю. Вместо договора принтер выдал список сотрудников с указанием времени их ухода. Напротив его фамилии стояло: «Получен ранее».Вскоре исчезает коллега — и люди за соседними столами уже не помнят, что он здесь работал. Лестница снова приводит на тот же этаж. Из закрытых кабинетов зовут голосами близких. А в копировальной ждёт старый бумажный резак, который сотрудники привыкли называть гильотиной.Чтобы выбраться, Илье и нескольким коллегам придётся добраться до архива, связанного с исчезновением его брата пятнадцать лет назад. Здесь хранятся документы, которых никто не составлял, и подписи людей, уверенных, что они ничего не подписывали. Здесь можно потерять гораздо больше, чем жизнь, — и остаться в сознании.Когда-то Илья уже получил вещи пропавшего брата и расписался, не читая. Теперь пришло время выяснить, что именно ему передали.

© Галкин А. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ 6
Неучтённый экземпляр 6
ГЛАВА 1 8
Пятьсот листов 8
ГЛАВА 2 13
Человек на испытательном сроке 13
ГЛАВА 3 17
Согласование 17
ГЛАВА 4 20
Кворум 20
ГЛАВА 5 24
План эвакуации 24
ГЛАВА 6 27
За матовым стеклом 27
ГЛАВА 7 30
Унификация 30
ГЛАВА 8 33
Условия уборки 33
ГЛАВА 9 36
Левое поле 36
ГЛАВА 10 39
Внешний контур 39
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Артём Галкин
Офисная гильотина

Офисная гильотина
Роман
18+
Содержит сцены насилия и ненормативную лексику

ПРОЛОГ

Неучтённый экземпляр

Первый звонок раздался через восемь дней после того, как нас выпустили из больницы.

Я сидел у матери на кухне. Она резала хлеб, брат дремал в комнате. Снаружи кто-то долго парковался под окнами. Телефон лежал на столе экраном вверх; я увидел рабочий номер раньше, чем услышал мелодию.

Мать потянулась к нему, потому что мои руки были заняты чашкой.

Я ударил её по пальцам.

Потом мы оба смотрели на красные следы. Она не спросила, зачем я это сделал. Просто убрала руку под стол, как будто провинилась передо мной. Кажется, с этого я и должен начать. До сих пор, когда вспоминаю ту пятницу, первым вижу именно мамины пальцы.

На четвёртом вызове я ответил.

В трубке работал принтер. Узнаваемый скрип захвата, пауза, короткое движение роликов. Потом кто-то положил трубку рядом с собой. Было слышно, как человек дышит через нос.

Я не говорил. Мать стояла возле мойки и ждала.

Из телефона донёсся её голос:

— Илюша, ты суп будешь греть?

Она спросила меня об этом минут за десять до звонка. Я помнил, потому что не ответил. В тот момент как раз принесли уведомление из полиции, я перечитывал фамилии и поднял палец: подожди.

Голос повторил вопрос. С той же усталостью, с тем же тихим стуком ножа о доску между словами.

Мать медленно положила нож.

В комнате проснулся Максим. Я услышал, как под ним скрипнул диван. Брат не мог встать без помощи, но попытался, и от этого звука меня наконец отпустило: я выдернул из телефона аккумулятор. Старый аппарат я купил специально. Новые приходилось бы разбивать.

Ещё несколько секунд мать продолжала смотреть на стол.

— Я больше ничего не спрашивала, — сказала она.

В корпусе под снятой крышкой лежала узкая серая полоска. Я достал её пинцетом. На одной стороне сохранилось слово «ожидает». Другая была тёплой и чуть влажной.

Мы не стали сжигать полоску. В больнице уже пробовали жечь такие вещи. Я убрал её в прозрачный файл и положил между двумя чистыми листами. Мать придерживала пакет, пока я застёгивал край. Она смотрела только на мои руки.

Эту рукопись я тоже храню в файлах. Иногда число страниц меняется, поэтому на полях стоят даты и подписи тех, кто видел их в тот день. Мы сравниваем экземпляры при хорошем свете, за одним столом. Если один из нас говорит, что не помнит какой-то строки, остальные не убеждают его, что он просто устал.

На обрезе есть небольшие неровности. Не отдавайте их выровнять. В типографии это предложат почти наверняка; у них хорошее оборудование, и для них это займёт меньше минуты.

Всё, что происходило после первого пореза, я помню очень отчётливо. Многое из того, что было до него, приходится восстанавливать по чужим словам. Я не знаю, куда делись эти воспоминания. Мне не нравится, что, когда я пытаюсь вспомнить их ночью, слышно, как кто-то работает в соседней комнате.

Сейчас в ней никто не живёт.

Издательское примечание. В поступившем экземпляре после этой строки находились одиннадцать пустых страниц. Верстальщик удалил их и прислал исправленный файл. Через сорок минут он позвонил с просьбой вернуть страницы. Связь оборвалась прежде, чем он объяснил причину.

Второе примечание. Восстановленные страницы не пустые. Текст находится слишком близко к внутреннему сгибу. Для чтения требуется разрезать блок.

Третье примечание. Автор просит этого не делать.

ГЛАВА 1

Пятьсот листов

В понедельник Илья решил, что до конца года обязательно найдёт другую работу. Решение возникло в девять двенадцать, пока он стоял у турникета с неработающим пропуском. В девять четырнадцать охранник открыл калитку вручную. В девять семнадцать на почту пришло письмо с пометкой «Срочно», и решение отложилось до обеда.

В договорном отделе было холодно. Светлана сидела в пальто, Миша грел ладони о чашку. Возле пустого стола у окна стоял включённый обогреватель. Никто не помнил, кто принёс его туда. Стол раньше занимала женщина из закупок; в пятницу ей позвонили из дома, и она ушла, оставив на спинке стула шарф. В понедельник на её письма отвечал уже другой человек.

Илья спросил, перевели ли её. Светлана пожала плечами.

— В приказах посмотри.

Он сел за компьютер. В списке рассылки фамилии не было. В шкафу осталось личное дело, но Илья не стал открывать его: на почте уже трижды переслали одно и то же поручение. В последнем письме добавили два восклицательных знака и «Коллеги, подключитесь». Коллеги находились в трёх метрах друг от друга.

Антон пришёл с отвёрткой и попытался передвинуть обогреватель к Мише. Шнур не доставал до розетки. Он дёрнул ещё раз, заглянул под стол и оставил прибор на прежнем месте.

— Начальство греет вакансию, — сказал он.

Миша фыркнул в чашку. Светлана на секунду улыбнулась.

Вадим Петрович появился сразу за Антоном. Никто не успел замолчать заранее. Директор посмотрел на пустой стол, затем на Илью.

— До пятницы всё закрыть. Без замечаний.

На слове «всё» Илья машинально открыл почту. Даже не обращённое к нему поручение находило в теле нужную кнопку.

— Кто сегодня последний, предупредите меня, — добавил Вадим.

— Как всегда, — ответила Светлана.

Он остался у двери.

— Мне нужно знать точно.

Илья поднял голову. Директор уже ушёл. В коридоре его задержала Раиса Захаровна Куликова, заведовавшая хозяйством и всяким человеком, который оказывался достаточно близко. Ей было шестьдесят четыре. Она говорила громко даже с теми, кто стоял рядом, и обижалась, если собеседник отступал.

В офисе имелся директор, но право повышать голос Раиса Захаровна считала собственным. Она умела дождаться, пока кто-нибудь откроет еду, и именно в этот момент начать рассказывать о его неряшливости. Умела при посторонних назвать взрослого человека «недоделанным». Когда Арина позже попросит разрешить ей прийти на полчаса позже ради врача, Раиса Захаровна предложит лечить безответственность до приёма на работу.

Илья слышал, как директор попросил её проверить, все ли кабинеты заняты.

— Я вчера проверяла.

— Ещё раз.

Она вошла, посчитала стулья и остановилась возле Антона.

— Ты бы тоже мог поработать.

— Я принтер чиню.

— А рот зачем открыт? С матерью своей так разговаривай.

Антон закрыл рот. Раиса Захаровна заметила и удовлетворённо поправила рукав. Её интересовал именно этот короткий момент, когда чужое лицо становится послушным. Илья видел подобное много раз и каждый раз запаздывал с простым «так не разговаривают».

Вслед за ней вошёл Эдуард Косых, руководитель коммерческого направления. Сорок два года, дорогая пряжка, привычка смотреть на людей чуть поверх головы, пока не требовалось получить подпись. У него было другое удовольствие: сначала сообщить сотруднику, что тот незаменим, затем отказать в выходном, потому что заменить его некем. Больничный Эдуард называл «интересной стратегией заработка», собственные поездки на рыбалку — работой с потенциальным клиентом.

Он увидел Мишин пустой пакет.

— У нас уже вещи воруют или пока только зарплату получают?

Миша сжал ручки пакета. Эдуард рассмеялся один. Это был не юмор; он показывал, кому дозволено пережить разговор без унижения. Когда окружающие молчали, ему становилось ещё приятнее.

— Я своё забираю, — ответил Миша.

— Смотри, чтобы голова не оказалась казённой.

Он прошёл дальше, не дожидаясь ответа. Илья посмотрел на Мишу и впервые за утро не стал советовать осторожнее выбирать новую работу.

Потом пришёл Борис Панкратов. Он работал в коммерческом отделе и носил на бейдже маленький смайлик. Борису хотелось нравиться; за два года он так и не научился замечать момент, когда окружающие перестают ждать конца шутки.

— У кого понедельник тяжёлый, тому пятницу выдают по весу, — сказал он.

Никто не засмеялся. Борис посмотрел на Антона, потом на Светлану. Вентиляция над ним тихо гудела.

— Слишком длинный заход, — решил он вслух.

Его шутки никогда не вызывали смеха. Он записывал новые в телефон, возвращался с исправлениями и каждый раз ждал реакции так напряжённо, что людям становилось неловко ещё до первой фразы. Но, если требовалось помочь с переездом или отвезти кого-нибудь домой, Борис приезжал. Иногда даже молчал всю дорогу.

Раиса Захаровна проводила его взглядом.

— Один клоун, второй недоклоун.

На этот раз Илья успел:

— Хватит уже.

Она повернулась к нему с живым интересом. Заметила, кто впервые ответил, и явно отложила это до более удобного случая.

Марина вошла, придерживая плечом дверь.

Она принесла пачку документов на подпись. Илья взял, посмотрел на толщину, спросил, почему снова без реестра. Марина ответила, что реестр в письме. В письме обнаружился файл с названием «Реестр новый новый». Внутри значилось «Окончательная редакция от сентября». Был уже конец октября.

Они несколько минут выясняли, кто что отправил, и в какой-то момент стали смеяться над одинаковым раздражением. Не потому, что работа была бессмысленной. Илья любил, когда из разрозненных листов получался понятный документ. Ему нравилось находить несоответствие раньше, чем оно превращалось в чужую беду. Не нравилось, что это умение всё чаще использовали для ускорения того, что никто не хотел читать.

Миша спросил, можно ли после увольнения забрать кактус. Все подумали, что он опять шутит. Он улыбнулся вместе с ними, потом повторил. Илья заметил, как Светлана перестала смеяться и начала двигать мышь, не глядя на экран.

— Решил? — спросил Илья.

— Решил. Мне в другой фирме предложили. Зарплата не сильно больше. Зато выходные существуют не теоретически.

Илья хотел предупредить, что в другой фирме могут обещать то же самое. Вместо этого спросил, когда выходить. Миша сказал, во вторник. Во рту у Ильи остался вкус не произнесённого предостережения. Иногда совет был просто способом удержать рядом человека, которому хватило смелости сделать то, что ты снова отложил.

За обедом позвонила мать. Рассказывала, как соседский кот научился открывать форточку. Илья слушал вполуха, переставляя строки в приложении. Мать заметила и спросила, не занята ли линия. Он сказал «нет», хотя был занят весь, от глаз до плеч.

— Тогда послушай минутку, — попросила она.

Он пообещал перезвонить. Поставил напоминание. Перенёс его с трёх на шесть, потом на восемь. Вечером отправил сердечко под фотографией кота и почувствовал, что выполнил обязательство.

Перед уходом Нина Павловна протирала резак. Работала тщательно, забираясь тряпкой в места, где никто не видел пыли. Илья попросил не трогать разметку: он выставил двести десять миллиметров под титульные листы. Она кивнула. Когда он вернулся за зарядкой, затл стоял на сорока семи.

— Нина Павловна, я же просил.

Она посмотрела на шкалу. Не стала извиняться и не спросила, кто двигал. Только повернула рукоятку обратно, отсчитав обороты.

— Уходите, — сказала она. — На сегодня достаточно.

Илья решил, что она хочет быстрее закончить уборку. Сказал, что ещё пять минут. Она посмотрела на него так, будто он назвал слишком большую сумму, но спорить не стала.

В пятницу, тридцатого октября, Илья Воронов взял со стеллажа последнюю пачку бумаги. Пачка была тёплой. Он решил, что её нагрело солнце, хотя окно копировальной выходило в узкий двор, куда солнце не заглядывало с августа.

В четыре сорок три ему требовалось распечатать договор на сто восемьдесят шесть страниц. Заказчик хотел два оригинала, директор хотел уйти пораньше, а принтер хотел открыть заднюю крышку. На экране светилась маленькая схема человечески невозможного движения: доберитесь туда, куда нельзя добраться рукой, и извлеките то, чего там нет.

— У него психологическое замятие, — сказал Сергеев от двери. — Бумаги нет, но травма осталась.

Антон держал кружку за ручку двумя пальцами: по белому боку шла старая трещина. Сегодня он был в чистой рубашке, потому что в восемь собирался на свидание. Перед тем как войти, проверил телефон и, видимо, хотел что-то ответить. Сообщение осталось недописанным.

Илья распаковал бумагу ногтем. Обёртка разошлась с влажным треском.

Из раскрытой пачки пахнуло чем-то тёплым, затхлым. Илья понюхал пальцы. Так пахнет подушка в комнате, которую давно не проветривали.

Антон поставил кружку.

— Тут кто-нибудь ночевал?

Илья посмотрел на него. Антон указал под стол. Там, возле ножки, лежал скомканный мужской носок. Ещё утром его не было. Поднимать носок ни один из них не захотел.

Вместо обычного верхнего листа на пачке лежал тонкий серый прямоугольник. Ни марки, ни плотности, ни названия фабрики. В центре стояло: «Для внутреннего использования. Количество сохраняется».

Антон нагнулся над надписью. Илья почувствовал его дыхание возле щеки и почему-то отступил: на мгновение показалось, что между ними стоит ещё один человек.

Илья перевернул лист. С оборота смотрела фотография женщины в светлом пиджаке. Снимок был чёрно-белый, как на дешёвом пропуске. Женщина держала у подбородка указательный палец, но выражение лица не соответствовало жесту: она смотрела с отчаянной, почти сердитой настойчивостью.

На секунду Илье показалось, что он её знает.

— Чья-то заявка на пропуск? — спросил он.

Антон взял лист двумя пальцами и сразу выпустил. В уголке появилась красная точка.

— Сука. Бумага злая.

Порез оказался ровным и глубоким. Кровь не растекалась по поверхности листа. Крошечная капля втянулась в край, оставив светлую сухую полоску.

— Прижми, — сказал Илья.

Антон обмотал палец салфеткой. От крана в копировальной пахло тёплой резиной. Раньше здесь стояла маленькая кухня; потом кухню отдали руководителям, а раковину забыли. В её сливе много лет лежала канцелярская скрепка. Илья почему-то каждый день отмечал, что скрепка по-прежнему там.

Сегодня её не было.

Антон уже открывал корпус принтера. Серый лист Илья положил под клавиатуру, фотографией вниз. Показалось неловким оставить женщину смотреть на них. Он не смог бы объяснить, кому именно от этого неловко.

На тумбе возле окна стояла офисная гильотина. Они называли её так между собой, хотя на табличке значилось «Резак ГР 430». Тяжёлая металлическая плита, разметка форматов, задний упор с винтом, отдельный рычаг прижима и длинная рукоять ножа. Передняя прозрачная защита имела трещину, похожую на веточку. Под ножом виднелась красная полоска марзана, сменной подкладки. Кто-то приклеил рядом бумажку: «ПАЛЬЦЫ В КОЛИЧЕСТВО ЛИСТОВ НЕ ВХОДЯТ».

Надпись придумал сам Антон. Внизу он добавил «Пока», но Марина Осипова заставила убрать.

Резак привезли из старого архива месяц назад. Директор собирался наладить изготовление папок собственными силами. С тех пор никто не изготовил ни одной папки, зато под гильотиной хранили сахар.

Илья придержал защитный экран, пока Антон искал фонарик. Из-под плиты тянуло прохладой. Винт затла был выставлен на сорок семь миллиметров. Он знал это, потому что на прошлой неделе передвигал его на двести десять, чтобы подрезать титульный лист. Значение вернулось само. Или кто-то работал после него.

— Вы бумагу нашли? — спросила новая кадровичка.

Арина появилась с целой стопкой обложек. Работала она третий день, и коллеги ещё произносили с ней должности целиком. У Ильи от этого возникало ощущение, будто они разыгрывают благополучную организацию перед приезжими родственниками.

— Последнюю, — сказал он.

— Мне всего три листа. У меня человек в системе есть, а в шкафу нет.

— Это обычное состояние человека у нас, — отозвался Антон.

Арина улыбнулась из вежливости, но не ушла.

— Лада Селезнева. Вы её знаете?

Фамилия вызвала у Ильи ощущение, похожее на запах давно закрытой квартиры. Он поднял голову. В коридоре кто-то толкнул тележку, и одно из колёс проехало по стыку линолеума.

— У нас нет Лады, — сказал Антон. Потом повторил, уже без уверенности: — Не было такой.

— Она в штатном расписании с две тысячи четырнадцатого. Архивариус. Должность занята. Зарплату не начисляли одиннадцать лет.

— Вы же говорите, с четырнадцатого.

— Да. А приказ о прекращении начисления — с одиннадцатого. Я и пытаюсь понять.

Илья достал из-под клавиатуры серый лист. Фотографии на обороте не было. С оборота стояла такая же надпись, как с лица: «Для внутреннего использования. Количество сохраняется».

Он несколько раз повернул бумагу, отыскивая след тонера. Даже наклонил к окну.

— Что там? — спросила Арина.

— Ничего.

Илья услышал собственный ответ и почувствовал облегчение. Слово получилось удобным. В нём не требовалось рассказывать, что он только что видел.

Принтер ожил. Антон победно закрыл крышку и отступил. Первый лист вышел медленно, чуть наискосок. Илья взял его за угол.

Вместо договора на странице значилось: «Ведомость присутствующих. Закрытие месяца». Ниже стояли фамилии сотрудников. Напротив каждой — время ухода. У Антона было 19:12. У Марины — 21:06. У директора — 23:41.

Против фамилии Ильи не было времени.

Там было написано: «Получен ранее».

— Чужая очередь печати, — сказал Антон слишком быстро.

Илья заглянул в лоток. На дисплее по-прежнему показывалось его задание, договор с подрядчиком на двести тринадцать миллионов. Перед страницей появился маленький знак ножниц.

— Что значит «получен»?

— Я сейчас проверю сервер.

Из принтера вышел ещё один лист. Антон не успел его взять. Лист спланировал на пол, остановился возле ботинка Арины.

На нём было всего два слова.

«Не сверяйте».

По коридору снова прокатилась тележка. Колесо зацепило тот же стык. Илья вдруг понял, что за всё время не услышал ни шагов, ни скрипа оси. Только один и тот же короткий удар через одинаковые промежутки.

Арина подняла лист.

— Это ваша шутка? — спросила она Антона.

Антон покачал головой. Он смотрел на свои пальцы, и Арина больше не стала спрашивать.

За стеной раздался металлический щелчок, словно опустили большой прижим. Илья машинально посмотрел на гильотину. Обе рукояти стояли в верхнем положении.

На пальце у Антона кровью проступила салфетка. Красное пятно имело точные прямоугольные края.

Они молча наблюдали, как один из углов пятна выравнивается.

ГЛАВА 2

Человек на испытательном сроке

Утром Миша Руднев вышел из дома с пустым пакетом и полным намерением не возвращаться к этому разговору. Накануне Вадим Петрович снова позвал его к себе. Говорил о перспективах, об ошибках молодости, о том, что рынок труда сейчас не для импульсивных решений. Миша слушал и чувствовал себя ребёнком, которого поймали за мыслью уйти из семьи.

Лена остановила его в прихожей. Попросила посмотреть на неё.

— Ты опять согласишься?

— Нет.

— Ты вчера сказал «нет», потом сорок минут рассказывал, какой он уставший.

Миша поставил пакет на пол. На новой работе ему действительно предложили ненамного больше. Но там прямо назвали обязанности, показали место и не пообещали стать семьёй. Он не хотел выглядеть человеком, который не выдержал обычной взрослой жизни. Ему казалось, остальные понимают, насколько всё должно быть тяжело, а он один просит лишнего.

Лена поправила у него воротник.

— Тебе не нужно доказать, что там хуже всего на свете, чтобы уйти.

Он улыбнулся.

— Ты это откуда так умно?

— Из квитанции за квартиру. Мне в принципе интересно, чтобы ты когда-нибудь бывал дома.

Они собирались пожениться в ноябре. Не из-за красивой даты, просто в ноябре у Лены обещали отпуск. Она работала в салоне, где клиенты отменяли запись за пять минут и удивлялись, что мастер тоже иногда обедает. Оба умели выносить неудобство. Последнее время стали путать это умение с обязательством не менять ничего.

Миша надел цепочку с маленьким кольцом. Кольцо было Ленино, дешёвое, из серебра; однажды оказалось ему велико даже на мизинце, и он стал носить на шее. Никому в офисе не рассказывал, почему. Антон всё равно заметил, придумал три нелепые версии и ни разу не попал в настоящую.

— Я в семь буду у выхода, — сказала Лена. — Заберём твой кактус. Потом поедем выбирать нормальную еду.

— А ненормальная какая?

— Та, которую ты принесёшь из холодильника и скажешь, что сверху снять можно.

Он поцеловал её в щёку и ушёл. На улице было сыро. В автобусе стоял мужчина с букетом хризантем, прижимая цветы к груди так осторожно, будто они могли обидеться. Миша посмотрел на него и подумал, что впервые за долгое время знает, чем закончится его пятница. Не письмом с новой правкой, не обещанием задержаться на десять минут. Леной, кактусом и пакетом из магазина.

В офисе никто не поздравил с последним днём. Это было нормально. Он не хотел прощального сбора возле торта, где пришлось бы благодарить людей за то, от чего уходишь. Илья только спросил, успел ли он передать папки. Потом помог найти последнюю спецификацию и не стал говорить, что в другой фирме может оказаться то же самое.

Ближе к полудню Миша сфотографировал рабочий стол. Хотел отправить Лене: вот место, где я больше не буду сидеть. На снимке стул оказался пустым, хотя он делал фотографию, стоя рядом. В отражении окна за столом сидел человек, закрыв ладонями лицо. Миша увеличил изображение. Отражение превратилось в обычное пятно света.

Он удалил фотографию. Не потому, что испугался. Просто она получилась неудачной.

Нина Павловна дала ему старый обходной лист. Пояснила, что у новой кадровички пока нет доступа к архивным шаблонам. Миша поблагодарил. Лист был гладким и чуть тёплым. Внизу имелась странная графа, но он решил, что это бухгалтерский термин.

Свой стол он протёр сам. Снял наклейку с монитором, выбросил засохший маркер. В ящике нашёл маленькую бумажку с номером, который когда-то продиктовала Лена. Знал его наизусть, но бумажку сохранил. Это было глупо и приятно. Он положил её в блокнот, на страницу с собственным именем.

В четыре часа позвонил директор. Спросил, почему передача дел не завершена. Миша ответил, что всё передал. Директор уточнил: «То есть тебя уже можно считать отсутствующим?» Миша хотел согласиться и вдруг разозлился.

— Пока я здесь, я здесь, — сказал он. — Уйду, когда закончу.

В трубке стало тихо. Потом Вадим ответил, что хорошо, пусть завершает как положено.

Миша положил телефон. На минуту ему стало легче. Он сумел ответить без оправданий. Не знал, что один обычный отказ даст ему лишние несколько часов.

К вечеру в договорном отделе пахло грушевым освежителем. Его купили после того, как в августе за фальшстеной умерла мышь. Мышь давно извлекли, а груша всё продолжала скрывать обстоятельства её смерти.

Илья положил ведомость в нижний ящик. Несколько минут ему казалось, что он совершает разумное действие: сейчас выяснятся настройки печати, кто-нибудь признается в розыгрыше, и объяснение уже будет ждать в ящике. Договор требовал его внимания немедленно. В приложении четыре не сходились объёмы, а тот, кто обещал исправить таблицу, уехал за город и прислал фотографию мангала.

На соседнем столе Миша Руднев собирал личные вещи в пакет супермаркета. Он проработал два месяца и сегодня увольнялся. В пакете лежали кактус, чёрный блокнот и ортопедическая подушка для стула, которую Миша называл противопролежневой, хотя был худым двадцативосьмилетним парнем.

— Сам стол оставить? — спросил он, увидев, как Илья на него смотрит.

— Стол в аренде.

— А я, получается, в собственности.

Миша пытался держаться весело. Вчера директор полчаса объяснял ему, что испытательный срок существует для обеих сторон. Сегодня Миша согласился с этой мыслью и написал заявление, после чего директор сильно удивился односторонности процесса.

— Ты обходной подписал? — спросил Илья.

— Осталась бухгалтерия. И вот эта хрень.

Он показал лист с полосой пунктирной линии. Внизу, под должностями и инвентарными номерами, располагалась маленькая графа «Остаток личности». Миша закрыл её большим пальцем так буднично, как закрывают на копии паспортные данные.

— Ты где это взял?

— Кадры дали.

— Арина?

— До неё. Нина Павловна сказала, старый бланк.

Уборщица стояла возле выхода и меняла мешок в корзине. Ей было сорок семь, но в офисе к ней обращались с почтительной осторожностью, словно она проработала здесь до появления самого здания. Нина Павловна знала, какие окна не открываются, куда бежит вода при протечке и почему зимой нельзя оставлять форточку в переговорной.

— Там внизу ничего не надо заполнять, — сказала она, не поднимая головы. — Только подпись.

Миша уже взял ручку.

— Подожди, — сказал Илья.

Нина Павловна остановила руки. Пластик нового мешка тихо потрескивал. За стеклом отдела кто-то прошёл по коридору, загораживая свет, но никто не появился в проёме.

— Подпись ставят после заполнения, — сказал Илья.

— А вы ему препятствуете? — спросила уборщица.

Это прозвучало так официально, что Миша неловко засмеялся.

— Да нормально всё. Ну что ты.

Он поставил росчерк. Подписывался он смешно, с длинной нижней петлёй, напоминавшей рыбку. Илья видел эту подпись сотни раз на письмах, которые приходилось возвращать из-за неверных дат.

Миша оторвал нижнюю полоску по пунктиру и протянул Нине Павловне. Та не взяла.

— Обрезать. Чтобы ровно.

— Господи, да кому она нужна.

— Ровно должно быть.

Вадим Петрович вышел из кабинета именно в этот момент. Тёмно-синий костюм, телефон у уха, лицо человека, которому мешают управлять стратегией. Он увидел пакет с кактусом и сделал вид, что впервые замечает увольнение.

— Михаил, вы документы-то передайте нормально. Без вот этого.

— Без кактуса?

— Вы прекрасно понимаете.

Директор перевёл взгляд на Илью и чуть задержал его. Илье показалось, что Вадим хочет о чём-то предупредить. Потом телефон ожил голосом, и директор отвернулся.

Миша ушёл в копировальную с бланком. Илья услышал, как открылась тяжёлая дверца принтера, хотя печатать Мише было нечего. Через несколько секунд звякнула рукоять гильотины.

В офисе погас свет.

Всего на одно мгновение. Мониторы не выключились, только лампы над столами одновременно моргнули. Когда свет вернулся, Мишин пакет стоял на полу под столом. Кактус наклонился и упирался колючками в прозрачный бок.

Илья посмотрел на открытую дверь.

— Он уже ушёл?

Светлана из закупок не оторвалась от экрана.

— Кто?

— Миша.

— Какой Миша?

Илья подождал, ожидая улыбки. Светлана взяла телефон, посмотрела на него и с раздражением отложила. Она явно считала разговор завершённым.

За соседним столом исчезли монитор и клавиатура. Раньше Миша сидел напротив окна, боком к общему проходу. Сейчас на этом месте стоял стул для посетителей, над ним висела схема пожарной эвакуации. На схеме договорной отдел заканчивался ровной стеной за спиной Ильи.

Он медленно поднялся.

Пакет был единственным предметом, не согласившимся с переменой. Илья присел, достал подушку. На ней отпечатались узкие полосы офисного кресла. Пахло обычным человеком, нагретой тканью, дешёвым дезодорантом. От этой обыденности захотелось бежать.

— Света, посмотри на меня. Кто это оставил?

— Илья, ну я откуда знаю? Наверное, твой.

Он вытащил блокнот. На первой странице стояло: «Михаил Руднев. Если нашли, верните. Там мои гениальные мысли». Ниже другим почерком было приписано: «Тогда можешь не возвращать».

Илья сам написал эту приписку во вторник.

Теперь буквы выцветали у него на глазах. Чернила не расплывались и не стирались. Просто каждая линия становилась тоньше, будто чья-то невидимая рука убирала у неё боковые края. Сначала пропала «г» в слове «гениальные». Потом пустота захватила фамилию.

Из копировальной появился Антон. За ним шла Арина.

— Ты тоже? — спросила она.

Илья кивнул прежде, чем понял вопрос.

— В кадровой программе стало на одного меньше, — сказала Арина. — Я видела карточку. Я только что её смотрела.

Антон держал телефон экраном наружу. В общем чате между сообщениями о сборе денег на подарок была пустая строка. На месте аватара — серый круг. Под ним стояло: «Это сообщение отправлено вами».

— Он мне пятьсот рублей должен, — сказал Антон. — Я помню сумму. Человека уже хуже.

— Руднев, — произнёс Илья. — Михаил Руднев.

Светлана обернулась.

— Не называйте так, — сказала она.

— Почему?

Она нахмурилась, будто не расслышала вопрос.

— Как так?

Илья посмотрел под стол. Пакет стал плоским. Кактус исчез вместе с горшком. Подушка теперь напоминала вырезанный из фотографии предмет; толщина у неё оставалась только с одной стороны.

Арина опустилась на колени и схватила блокнот за переплёт.

— Не отпускайте, — сказала она. — Когда я отвела глаза, карточка исчезла.

Они втроём держали тонкую книжку: Илья за обложку, Арина за угол, Антон за корешок. Это было глупо, тесно и унизительно. Светлана смотрела на них с выражением человека, которому теперь придётся объяснять директору, почему сотрудники играют на полу.

Где-то рядом с ухом Ильи выдохнул мужчина.

— Я не хочу, — сказал он очень тихо.

Антон поднял глаза.

От блока страниц между их пальцами оттопырился серый край. На нём, крошечные и отчётливые, появились следы ногтей.

Илья не видел лица Миши. Но голос шёл из бумаги.

— Я передумал увольняться, — сказал Миша. — Скажите ему, пожалуйста.

Потом блокнот разрезало пополам.

Никакого ножа между их руками не было. Пальцы Арины остались целы. Илья почувствовал короткое тёплое движение, будто через ладони прошёл воздух от открытой духовки. Две половины упали на линолеум.

Верхняя была белой.

На нижней маленький рот продолжал открываться ещё несколько секунд.

ГЛАВА 3

Согласование

Первым закричал Антон. Коротко, с удивлением, будто крик выдернули из него вместе с воздухом. Потом он поднял разрезанные половины, приставил друг к другу и разгладил ребром ладони. Голова у него двигалась мелкими рывками. Илья хотел сказать, что так не получится, но не знал, что именно должно получиться.

Арина сидела на полу. На её джинсах темнело пятно, она смотрела на него с мучительным непониманием. Илья протянул ей руку. Она вцепилась обеими ладонями, и он едва удержался на ногах.

— Мы уходим, — сказал он.

Светлана уже снова печатала. Ровные щелчки клавиатуры не прерывались. На её экране была открыта таблица закупок, но пальцы нажимали одни и те же четыре клавиши. Левый мизинец ударял по пустому месту между кнопками. В таблице постепенно заполнялась строка: «Присутствует. Присутствует. Присутствует».

— Света.

Она не обернулась.

Илья взял её за плечо и понял, что не чувствует плечевой кости. Под блузкой было что-то плотное, слоистое, как размокший картон. Светлана повернула голову. Лицо осталось её лицом, но взгляд запоздал. Несколько секунд глаза смотрели туда, где Илья стоял прежде.

— Вы закончили договор? — спросила она.

— Нам надо выйти.

— Незавершённые действия переносятся.

Она произнесла это голосом уведомления на телефоне. Антон подхватил Арину под локоть. Он уже не пытался шутить. Две половины блокнота лежали у него за пазухой, и он прижимал их к груди, словно держал повязку на ране.

За стеклянной дверью коридор выглядел нормальным. Ковровая дорожка, горшок с искусственным фикусом, просроченный плакат о корпоративном марафоне. Илья раньше злился на этот плакат: победители каждый год выглядели счастливыми людьми, которых он ни разу не встречал в здании. Сейчас счастье на фотографиях казалось оскорбительно точным.

Возле ресепшена сидела секретарь Полина. Она держала телефонную трубку возле правого уха. Вторая рука лежала на столе ладонью вверх. Под короткими ногтями виднелась серая пыль.

— Полина, вызови охрану.

— Ваш звонок важен для нас, — сказала она.

Трубка была отсоединена. Пружинный провод заканчивался пластиковым штекером на столешнице.

Антон потянул Илью дальше. Возле лифта стоял охранник Тимур Бекетов. Он упирался носком ботинка в створку и удерживал её открытой. На груди у него мигала рация. Из динамика доносился детский голос, перечислявший номера кабинетов. Ребёнок то и дело ошибался и начинал заново.

— На лестницу, — сказал Тимур. — Лифт не используем.

— Что случилось?

— Скажите вы.

Илья начал рассказывать. Уже на словах «лист с фамилиями» Тимур убрал ногу. Лифт закрылся с мягким чистым звуком. На секунду в стыке створок показалась полоска чужого лица: один глаз, угол рта. Лицо находилось на уровне колен.

— Ясно, — сказал Тимур.

Ничего ясного в его голосе не было.

Он провёл карту по считывателю служебной двери. Красный огонёк остался красным. На белом корпусе мелко проступили цифры 17:47, хотя обычно там не было дисплея.

— Это блок электромагнита, — сказал Антон. — Его можно обесточить.

— Я уже обесточивал.

Тимур показал коробку над дверью. Крышка висела на одном винте, провода были выведены наружу. Илья отступил: в чёрной изоляции шевелилась тонкая белая полоска. Сначала он принял её за стяжку. Потом полоска свернулась ногтем.

— Аварийное открывание?

— Не трогайте кнопку.

На красной кнопке под пломбой сидела муха. Она держалась за пластик четырьмя лапками. Две передние были склеены чем-то чёрным, и всё её тело подёргивалось через одинаковые интервалы. Илья заметил, что под мухой напечатано «Подтвердить».

— Мы на работе? — спросила Арина. — Или это уже где-то ещё?

Тимур посмотрел на неё, потом на Антона.

— Пока здесь. Смотрите в окна, только не открывайте. На улицу не кричите. Если увидите знакомого, сначала позвоните ему. И фамилии вслух не надо.

— Почему?

Охранник поднял рацию. Детский голос закончил счёт.

«Пятьсот девять. Пятьсот десять. Воронов».

После фамилии наступила тишина. В ней был едва слышный чужой вдох. Вдохнул не динамик: звук пришёл сверху, из вентиляционной решётки.

— Потому, — сказал Тимур.

Илья достал телефон. Сеть показывала полную шкалу. Мать ответила после второго гудка. Он услышал телевизор и слишком громкий голос ведущего. В груди отпустило так резко, что стало больно.

— Мам, ты дома?

— А где мне быть? Ты ел?

— Да. Слушай меня. Если кто-то позвонит с работы, не говори ничего. Вообще ничего не подтверждай.

— Илюш, ты чего?

Он отвернулся от остальных. Хотел сказать, что произошло, и понял, что не сможет произнести историю о рте в блокноте человеку, у которого вчера сняли швы. Она вызовет такси, приедет под офис, начнёт спрашивать на проходной. Скажет его фамилию. Покажет паспорт.

— Проверка безопасности, — сказал он. — Мошенники. У нас разослали предупреждение.

— Опять мои данные куда-то утекли?

— Просто пообещай.

— Хорошо. Илюш, Максим тебе не звонил?

Илья перестал дышать.

Мать произнесла имя брата легко, с обычным раздражением. Так она спрашивала о нём пятнадцать лет назад, когда Максим обещал заехать и пропадал с друзьями. Последние годы она не называла его без причины. Накрывая на стол, ставила две тарелки, а не три. В прихожей убрала его куртку. Они научились обходиться с отсутствием, не наступая на него босиком.

— Мам, что ты сказала?

— Он с утра просил передать, что задержится на работе. У вас же вместе там аврал.

— Когда просил?

— Ну сейчас, Илья, не надо на меня повышать. У меня давление.

На заднем плане щёлкнула посуда. Кто-то поставил чашку на блюдце. В квартире у матери никто не пил из блюдец со дня смерти отца.

— Ты одна?

— А с кем мне быть?

Он закрыл глаза. Увидел её кухню: плита, рыжая занавеска, магнит в форме лимона. Возле раковины табурет с треснувшей ножкой. На табурете — мужская ладонь, только ладонь, как предмет, который уже занесли, а остальное ещё оформляют.

— Закрой дверь кухни. Пожалуйста. И не отвечай никому, кроме меня.

— Я тебе и отвечаю.

Голос остался материнским, но слова пришли без паузы, без воздуха между ними. Где-то в трубке чужой человек попробовал тихо засмеяться.

Связь оборвалась.

На экране высветилось: «Длительность разговора — 00:00».

Илья набрал снова. Теперь отвечал автоинформатор. Абонент находился вне зоны действия сети. Он посмотрел на Тимура и впервые увидел, насколько охранник испуган. Пот стекал у него из-под волос, хотя в коридоре холодало.

— Я назвал его, — сказал Илья. — Она сказала имя, а я не остановил.

— Вы ещё здесь, — ответил Тимур. — Сейчас смотрите на то, что здесь.

В динамиках под потолком заиграла заставка корпоративного радио. Четыре бодрые ноты, придуманные для организации, в которой было тридцать восемь сотрудников и один туалет на этаж.

— Коллеги, — произнёс Вадим Петрович. — Просьба всем пройти в большую переговорную. Повторяю, всем присутствующим.

Последнее слово он сказал отдельно, будто читал по бумаге, которую держали перед его лицом.

ГЛАВА 4

Кворум

В среду Арина пришла за двадцать минут до начала дня. Дверь была закрыта, и она стояла на лестнице с новым блокнотом, стараясь не выглядеть человеком, который слишком радуется работе. Внизу охранник спросил фамилию, сверил с распечаткой и долго искал нужную строку.

— Вас ещё нет, — сказал он.

— Сегодня первый день.

— Я понимаю. В списке нет.

Он позвонил наверх. Трубку взяли не сразу. Когда связь появилась, охранник повернул распечатку к свету, нахмурился и ткнул пальцем в строку, которую секунду назад не видел.

— Есть. Проходите.

Арина поблагодарила. Подумала, что не нужно превращать каждую задержку в признак будущей беды. В прошлой фирме она именно так и делала: заметит неприятную мелочь, потом сама себя убеждает, что стала слишком подозрительной. Здесь хотела начать без заранее подготовленного обвинения.

Вадим Петрович встретил лично. Показал кабинет, познакомил с Мариной, объяснил, что кадровые дела требуют восстановления после смены программы. Слова «восстановление» и «развитие» звучали в его рассказе почти одинаково. Он обещал, что Арина сможет выстроить процесс под себя. Она услышала в этом доверие и не стала уточнять, кто потом будет поддерживать выстроенное.

Антон принёс компьютер и поставил возле её стола. На корпусе остался след снятой наклейки: светлый прямоугольник среди пыли. Арина спросила, кто работал за ним раньше. Он посмотрел на инвентарный номер, сказал, что уточнит, и не уточнил.

Он помог подключить монитор. Когда экран включился, на нём была открыта карточка сотрудника. Имя закрывало маленькое окно с единственным вопросом: «Заменить?»

Антон выдернул сетевой кабель.

— Старая система, — сказал он. — Я потом перенесу тебе чистую копию.

Арина заметила, что в графе даты приёма стоит сегодняшнее число. Пока Антон убирал кабель под стол, окно закрылось. В карточке были её данные.

Она решила, что так и должно быть.

Нина Павловна выдала ключ от шкафа. Старый латунный ключ имел крошечную цифру на бородке. Арина спросила, один ли экземпляр.

— Пока один, — сказала Нина.

— Нужен запасной. Если потеряется, как открывать?

Женщина некоторое время держала её руку вместе с ключом. Потом отпустила.

— Лучше не терять.

Арина записала «сделать дубликат». Когда вечером открыла блокнот, вместо этого стояло «не делать дубликат». Она решила, что сама добавила отрицание, пока разговаривала. За день было слишком много нового, чтобы помнить движение ручки.

Первой задачей оказалась сверка личных дел. Не сложная сама по себе: список, папка, приказ, подпись об ознакомлении. Она любила такую работу за возможность увидеть ошибку до конфликта. Если всё хранится понятно, человеку не приходится доказывать собственную биографию каждый раз, когда меняется программа.

В шкафу нашлись три одинаковых личных дела без фамилий. В каждом лежала фотография женщины, стоящей спиной. На обороте штамп «Лицо не установлено». Арина позво-

нила Вадиму. Тот велел пока отложить: архивные дефекты, не тратить первый день на старые загадки.

Она отложила. Потом открыла ещё раз. На одной фотографии женщина повернула голову чуть дальше, чем на других. Арине показалось, что при последовательном просмотре получится движение. Она сложила снимки, пересчитала, снова разложила. Третий теперь был таким же, как первый.

Марина зашла с вопросом о графике отпусков. Увидела фотографии и закрыла папку.

— Старые документы лучше смотреть при нормальном свете, — сказала она.

— Здесь же светло.

— Я имею в виду, с утра. К вечеру глаза устают.

В голосе не было мистики, только усталость. Марина давно научилась объяснять странное тем, с чем можно продолжать работать. Арина ещё не знала этого способа и приняла слова буквально.

Перед уходом она позвонила матери. Рассказала про кабинет, зарплату, смешного администратора. Мать спросила, не слишком ли далеко ездить. Арина ответила, что далеко, зато официально. Это слово должно было закрыть все остальные вопросы.

На лестнице встретился Илья. Он придержал дверь и спросил, как первый день.

— Кажется, нормально. Только у вас папки иногда сами исправляются.

Он улыбнулся.

— Если бы ещё договоры сами исправлялись.

Они разошлись, оба довольные маленькой удачной репликой. Никто не вернулся к шкафу проверить, что именно изменилось.

В пятницу в переговорной сидели семеро.

Илья пересчитал их дважды. Вадим Петрович во главе стола, Марина напротив него, Арина рядом с Антоном. Тимур остался у двери. Нина Павловна поставила ведро в угол и села на стул для приглашённых. Седьмым был сам Илья.

За стеклянной стеной шёл обычный рабочий день. Люди носили папки. Кто-то приклеивал этикетку к коробке. Светлана повернулась к соседке, что-то сказала и засмеялась. Через четыре секунды соседка ответила точно таким же смехом.

Никого из этих людей директор не пригласил.

— Где остальные? — спросила Марина.

— Работают.

— Я вижу. Почему мы здесь?

Директор разложил перед собой листы. На каждом красовался корпоративный логотип: квадрат с разрывом в нижнем углу. Илья участвовал в выборе этого знака и помнил презентацию дизайнера. Разрыв назывался «окном возможностей». Бухгалтерия тогда попросила убрать окно, потому что оно выглядело как непропечатанный тонер.

Сейчас сквозь разрыв на бумаге просвечивала столешница. Не белая область, а маленькая настоящая дырка. Илья видел древесный рисунок, двигая головой.

— Сегодня закрытие месяца, — сказал Вадим. — Есть некоторые особенности внутреннего аудита. Прошу отнестись спокойно. Мы должны до двадцати четырёх часов привести в соответствие присутствие и документацию.

— С каким хуем в соответствие? — спросила Марина.

Она редко ругалась. Даже Антон выпрямился.

— Марина Сергеевна, давайте уважать друг друга.

— У меня в программе пропал сотрудник. Начисления за три месяца пересчитались. По взносам теперь переплата, и справочник утверждает, что я сама её сделала. Я ему вчера деньги на карту отправляла. Кому я их отправляла, Вадим?

— Система корректирует остатки.

Нина Павловна подняла голову. Она посмотрела на директора так, словно он употребил опасное слово рядом с открытым огнём.

Арина достала телефон и положила на стол запись включённым микрофоном вверх.

— Я хочу знать, что вы предлагаете нам подписать.

— Предварительно ничего.

— Значит, вообще ничего не подписываем, — сказала Марина.

Вадим разгладил верхний лист. Его пальцы побелели. В кабинете у него стояла фотография двоих сыновей на катере. Старшему недавно исполнилось двадцать семь; Илья помнил, как всем офисом выбирали подарок. Взрослые дети не мешали директору говорить о них как о маленьких, особенно когда требовалось уйти с работы раньше.

— Вы думаете, мне это нравится? — спросил он.

Марина не ответила.

— Существуют условия аренды. Это здание не наше. Оборудование также не наше. В старых договорах есть обязательства, которые переходят при смене собственника. Мы сейчас проводим сверку, после чего все спокойно разойдутся домой.

— Миша тоже спокойно разошёлся? — спросил Илья.

В стекле позади директора появилась узкая вертикальная полоса. Илья не заметил, откуда она взялась. Просто стекло теперь делилось на две части, и отражение Вадима запаздывало в правой половине.

— Не называйте фамилию, — сказала Нина Павловна.

— Я и не назвал.

— Имени достаточно, если он рядом.

У стола скрипнул стул. Пустой. Стоявший между Мариной и директором. Обивка сиденья медленно продавилась. Чуть позже на краю стола появилось влажное пятно, размером с локоть.

Никто не пошевелился.

— Простите, — произнёс директор.

Он смотрел на пустое место. На его нижней губе дрожала слюна.

— Кто с нами? — спросила Арина шёпотом.

— Лучше считать, что все, — сказал Тимур.

Антон отодвинул собственный стул. Ножки издали такой громкий скрежет, что Илья дёрнулся. Системный администратор вытянул перед собой ладони.

— Он сейчас рядом? — спросил Антон.

Вадим не ответил. Влажное пятно на столе поползло к Антоновой ладони. Никто больше не двигался. У Ильи затекла нога, но он боялся переставить её под столом: там, возле собственного ботинка, он уже дважды ощутил прикосновение ткани.

Антон убрал руку. На гладкой столешнице осталось пять сухих мест. Пятно обошло их, как будто ладонь лежала там по-прежнему.

Директор достал из папки маленькую инструкцию. Бумага была желтоватой, с дырками от старого дырокола. Верхняя строка выцвела, однако нижние пункты сохраняли чёткость.

«Во время сверки не подтверждать отсутствие сотрудника, пока оно не установлено личным наблюдением».

«Не передавать оригинал по голосовому запросу».

«Лицо, не отражающееся в списке присутствующих, не оставлять без зрительного контакта».

Четвёртый пункт был заклеен белой полоской.

— Отклейте, — сказала Марина.

— Это устаревшая редакция.

Тимур подошёл к столу. Вадим прикрыл лист ладонью. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом охранник положил рядом рацию. Из выключенного прибора послышался медленный звук переворачиваемой страницы.

Директор убрал руку.

Под полоской было написано: «При обнаружении собственной подписи в исходной ведомости считать себя переданным на обработку. До завершения обработки сохраняется возможность обжалования».

Илья почувствовал, как кожа под рубашкой покрывается холодной испариной.

— Где исходная ведомость?

— В архиве.

— Дайте ключ.

— Там сейчас сотрудник.

— Какой?

Директор посмотрел на пустой стул.

За стеклянной стеной Светлана снова повернулась к соседке. Произнесла ту же фразу, беззвучную для сидящих в переговорной. Через четыре секунды соседка рассмеялась.

Только теперь Илья заметил, что её рот в отражении не закрылся.

Арина подняла телефон. На экране шла запись. Изображение переговорной было нормальным: стол, окна, директор, шесть человек по сторонам. Но седьмого, сидевшего спиной к камере, Илья не узнал. Мужчина носил серую рубашку, как он сам. Голова у мужчины была повёрнута дальше, чем позволяла шея. Он глядел прямо в объектив.

Арина выключила экран.

— Там кто-то ещё, — сказала она.

— Не пересчитывайте, — ответила Нина Павловна.

Позади Ильи кто-то встал. Он почувствовал движение воздуха возле затылка и чужую осторожность: неизвестный старался не задеть его стул.

Директор дождался, пока невидимый посетитель отойдёт, и только тогда выдохнул.

— Нам нужен ответственный, — сказал он. — Один человек должен возглавить комиссию.

Из-под верхнего листа показался бланк назначения.

Фамилия в нём уже была напечатана.

ГЛАВА 5

План эвакуации

Илья не прочитал фамилию. Он встал, взял Арину за плечо и повёл к двери. Марина поднялась следом. Антон подхватил со стола инструкцию. Вадим сказал: «Коллеги», но больше никто не захотел быть коллегой.

Служебная дверь открылась от обычной механической ручки. Тимур провёл их на лестницу и остался последним, удерживая створку. Здесь пахло штукатуркой и холодным табачным дымом. На подоконнике лежал окурок с яркой помадой. Илья видел его в среду. Предмет, который пережил среду, казался надёжным доказательством действительности.

— Идём вместе, — сказал Тимур. — Двери на этажах не открываем. Только первый.

— Там пожарный выход во двор, — ответил Антон. — Я курил.

— Я знаю.

Они спустились на один пролёт. На стене значилось «4». Кто-то пририсовал к цифре глаз и подпись «Я всё вижу». Марина раздражённо сказала, что за такое надо увольнять, и тут же стиснула рот. Антон посмотрел на неё, но ничего не ответил.

На третьем этаже дверь была приоткрыта. В щели желтел свет. Оттуда тянуло свежим хлебом. Арина остановилась так внезапно, что Илья едва не толкнул её.

— Что?

— Там мама.

Из-за двери слышалось, как женщина говорит по телефону. Слов разобрать было нельзя, только интонацию: обычное нетерпеливое «ну хорошо, хорошо». Арина вытащила мобильный. Илья видел, как меняется её лицо, пока она ждёт соединения.

— Мам?

Из телефона донёсся шум улицы.

— Я на остановке. Ты чего шёпотом?

За дверью одновременно произнесли ту же фразу. Тихо, точно, с небольшим опозданием. Голос в помещении старательно догонял голос на улице.

Арина попятилась. Тимур закрыл дверь подошвой. С той стороны на уровне его лица кто-то прижал ладонь к дереву.

За дверью стало тихо. Потом голос матери произнёс то, чего в телефоне ещё не было:

— А ты кому сейчас звонишь?

Настоящая мать продолжала спрашивать, не заболела ли Арина. Тимур чувствовал нажим с другой стороны двери. Пальцы на дереве переместились ниже, к его собственной ладони.

Антон выругался сквозь зубы. Арина продолжала держать телефон у уха. Настоящая мать спрашивала, что случилось. Тимур показал на лестницу.

— Мама, я перезвоню, — сказала Арина и отключилась.

Из-за двери донёсся гудок завершённого вызова. Тот же, что только что прозвучал у Арины в ухе. Затем женщина стала тихо напевать. Арина закрыла телефон обеими руками: мать пела ей эту песню в детстве, когда она не могла уснуть.

Они побежали вниз.

На втором этаже пахло супом. На первом — мокрой шерстью. Здесь не было двери во двор. Перед ними лежала площадка с таким же подоконником, и на нём белел тот же окурок с помадой.

Над перилами стояла цифра «5».

Марина села прямо на ступеньку. Достала из кармана пачку сигарет, повертела и убрала. Антон прислонился лбом к стене. Илья потрогал окурок. Он был влажным и тёплым.

— Мы спускались, — сказала Арина. — Я считала. Восемьдесят ступеней.

Тимур достал из поясной сумки мелок и начертил на стене короткую чёрточку. Потом ещё одну, поперёк первой. Он снял их телефоном и повернул камеру к лестнице.

— Проверим один пролёт. Вы остаётесь. Я вернусь.

— Один никто не идёт, — сказал Илья.

— Тогда вдвоём. Сергеев, за мной. Вы смотрите. Дверь не закрывать.

Антон снял с пальца салфетку. Под ней пореза не было. Зато на ногте поперёк белой лунки проходила тонкая чёрная черта, как отметка карандашом.

Он поднёс палец к глазам, побледнел и засунул руку в карман.

Антон хотел что-то сказать. Проглотил слова, подождал, пока Тимур пройдёт вперёд, и пошёл за ним, держась пальцами за перила.

Они спустились. Илья следил за ними сквозь промежутки перил. На нижней площадке Тимур присел и нарисовал новый крест. Антон обернулся, показал большой палец. Потом оба прошли под лестничный марш и исчезли на секунду.

Сверху послышались шаги.

Илья поднял голову. Тимур и Антон выходили на площадку с верхнего пролёта.

Охранник остановился. Он не сразу увидел собственный крест на стене, а когда увидел, долго не двигался. Антон медленно опустил телефон. На записи они продолжали идти вниз. Экран показывал лестницу, с каждым шагом всё более тёмную.

— Останови, — сказал Илья.

На экране Антон подошёл к окну. Снаружи вместо двора стоял другой человек, вплотную к стеклу. Лицо прижалось носом и лбом. Человек находился на высоте пятого этажа. Он посмотрел в объектив, улыбнулся и указал вниз.

Антон выключил видео.

— Я к окну не подходил.

Марина вдруг сказала:

— Плитка новая.

Они посмотрели на неё.

— Здесь линолеум был. Я двадцать лет по таким лестницам хожу. В этом здании линолеум, Тимур. Серый. Мы его в прошлом году оплачивали.

Под ногами у них лежала мелкая бежевая плитка. В одной из трещин застрял волос. Илья нагнулся и увидел, что волос тянется из-под стены. Длинный, светлый. Он проходил через затирку и уходил между плитками туда, где стояла Арина.

Потом волос шевельнулся.

Тимур схватил дверную ручку. Дверь не поддалась. Из замочной скважины пахнуло свежесрезанной бумагой.

— Открывай, — сказал он.

— Я не закрывал, — ответил Илья.

За окном сгущались сумерки, хотя телефон показывал только семнадцать одиннадцать. Во дворе стояла машина Ильи. Синий автомобиль с белым пятном грунтовки на двери. Возле машины мать разговаривала с мужчиной. На мужчине была куртка Максима, та самая, которую убрали в большой пакет после заявления о пропаже.

Мать подняла голову и посмотрела прямо на Илью.

Он отступил, ударившись спиной о дверь.

— Сколько нас? — спросила Арина.

— Не надо, — сказал Антон.

Но Илья уже пересчитал. Он, Марина, Арина, Тимур, Антон. Пятеро. И ещё кто-то стоял на нижней ступеньке, скрытый изгибом марша. Он видел край тёмного ботинка и длинные пальцы на перилах. Пальцы обхватили металл снаружи, будто кисть была вывернута.

— Пять, — сказал Илья.

Пальцы сжались.

— Здесь пять, — повторил он, с трудом удерживая голос. — Все присутствуют.

За дверью щёлкнул замок.

Нина Павловна стояла в офисном коридоре. В руке у неё был обычный ключ. Она посмотрела поверх плеча Ильи и опустила глаза.

— С лестницы всегда возвращается на одного больше, — сказала она. — Если считать вслух, придётся оставить ему место.

— Кто вы такая? — спросила Марина.

Нина Павловна шагнула в сторону, пропуская их. Ключ у неё в руке был тёплым от крови. Под ногтями темнели свежие полоски.

— Потом, — сказала Нина. — Вы руки его видели?

Илья кивнул.

— Теперь к дверям близко не подходите. Он тоже запомнил.

Антон последним переступил порог. Тимур потянул дверь на себя, но прежде чем створка закрылась, Илья увидел на лестничной стене новый крест.

Под ним детским почерком было написано: «Теперь я знаю, куда».

ГЛАВА 6

За матовым стеклом

На кухне Тимур первым делом задвинул щеколду. Маленький латунный язычок вошёл в скобу, и все посмотрели на него. Щеколду поставили после того, как кто-то стал забирать чужие обеды. Прежде Илья считал её унизительной. Сейчас ему хотелось проверить отвёрткой каждый шуруп.

Окно выходило во двор. Тимур закрыл его рулонной шторой. На подоконнике стояли засохшая орхидея и банка растворимого кофе. Кто-то оставил чашку на батарее; вода в ней давно испарилась, на дне засох коричневый круг.

Под чайником лежало объявление Раисы Захаровны: «Кипяток не является личной собственностью сотрудников». В четверг она обозвала курьера «лишним ртом», потому что тот попросил воды после подъёма тяжёлых коробок. В среду отчитала Арину за пятно на столе раньше, чем спросила, почему у девушки перевязана ладонь.

Нина Павловна однажды сказала Илье, что Рая не всегда была такой. Он принял это за обычную попытку оправдать возрастом чужую привычку унижать. Позднее Нина показала фотографию из расчётного отдела начала двухтысячных. На столе перед молодой Раисой лежали три детские куртки. Их собирали для женщины, у которой сгорел дом. Раиса принесла куртки своих детей и целую зарплату. Не дала составить список жертвователей: боялась, что тому, кто получит, будет стыдно.

После смерти Нининого сына она неделю приходила к ней готовить. Варила суп, выносила мусор, молча сидела на кухне. Не объясняла, как переживать горе. На второй неделе принесла маленькую кастрюлю и сказала: «Большую пока не надо. Из маленькой легче съесть хоть что-нибудь». Нина хранила эту кастрюлю до сих пор.

Потом у Раисы заболел муж, старший сын начал брать деньги и исчезать, на работе несколько раз сменили начальство. Сначала она сорвалась на человеке, который точно не ответит. На следующий день ждала, что станет стыдно, но заметила другое: все начали уступать. Приносили справки раньше срока, освобождали стул, замолкали при её появлении. После смерти мужа ей всё ещё сочувствовали. Когда она назвала уборщицу «руками без головы», коллеги снова сказали, что у неё тяжёлый период. Так период растянулся на годы.

Она по-прежнему замечала, кто устал, кто нуждается в деньгах, кто плохо спал. Теперь это помогало выбрать место, куда больнее нажать. Илья помнил фотографию с куртками всякий раз, когда Раиса кричала. Иногда от знания прежней доброты становилось только противнее: человек когда-то умел по-другому.

Марина принесла аптечку. Арина сменила бумажные полотенца на содранном предплечье. Илья помог приклеить пластырь, придерживая её локоть. Рука дрожала. Он хотел сказать что-нибудь спокойное, но увидел, как глубоко девушка прикусила губу, и промолчал.

Антон разложил половины Мишиного блокнота. В разрезе сохранилась розовая полоска. Она медленно втягивалась внутрь, когда на неё падал свет. Тимур накрыл блокнот прозрачным контейнером. Розовое коснулось пластика с другой стороны.

Арина отвернулась к мойке.

— Не надо туда смотреть, — сказал Илья.

— Я слышу.

Под контейнером что-то тихо, бессильно скребло. Как ноготь человека, который не может поднять руку.

Марина открыла ручку.

— Запишем имена. Пока помним, кто есть кто.

— На чём? — спросил Антон.

Бухгалтер посмотрела на чистый лист. Закрыла ручку.

Никто не предложил другого способа.

Из коридора донеслось покашливание. Негромкое, будничное. Затем шаги. Человек остановился у двери, но не постучал.

Антон поднялся было за водой. Тимур взял его за рукав.

В матовом стекле проступило лицо.

Илья не смог бы описать его черты. Кто-то стоял вплотную с другой стороны, прижимаясь к стеклу лбом, носом и губами. Нос расплющился в белое пятно. Дыхания не было слышно. Голова располагалась слишком низко, на уровне груди стоящего человека. Чтобы так смотреть, посетителю пришлось бы согнуться почти пополам.

Арина отступила, задела спиной стол. Чашки звякнули.

Лицо повернулось на звук. Стекло негромко скрипнуло. Посетитель вёл по нему щекой, не отрываясь.

Щеколда лежала в своей скобе. Илья смотрел на два маленьких шурупа. Оба были почти выкручены. Он не помнил, были ли они такими, когда Тимур закрывал дверь.

— Вы здесь? — спросили снаружи.

Обычный мужской голос. Илье показалось, что он уже слышал его сегодня. Или много раз, каждый рабочий день, только никогда не вслушивался.

Нина Павловна покачала головой. Не посетителю. Им.

— Я вижу свет.

Марина зажала Антону запястье. Он и не собирался отвечать. У него дрожал подбородок.

Лицо исчезло. Ручка медленно опустилась. Приподнялась, снова опустилась, как если бы человек пытался вспомнить, в какую сторону открывается дверь. Щеколда натянулась. Из одного отверстия осыпалась древесная пыль.

Илья схватил спинку стула. Тимур очень медленно вытянул ладонь: остановись.

Ручка вернулась в прежнее положение.

За стеклом кто-то выпрямлялся. Сначала поднялся подбородок, потом рот, потом лоб. Илья ждал, что голова исчезнет над верхним краем вставки. Вместо этого лицо продолжало подниматься по стеклу, хотя стекло уже должно было кончиться. Он задрал голову. Не смог понять, что видит, и опустил глаза.

С той стороны сказали:

— Я тогда подожду.

Шагов не было.

Они ждали тоже.

Через некоторое время в холодильнике щёлкнул термостат. Арина вздрогнула так сильно, что ударилась локтем о мойку. Ей хотелось пить, но она не подходила к стаканам. Марина достала телефон. Написала дочери: «Не приезжай ко мне на работу ни при каких обстоятельствах». Ответ пришёл почти сразу: «Я и не собиралась».

Марина прижала телефон к животу. Несколько секунд держала его там.

Антон заметил у неё в руке пакет из пекарни. Она машинально протянула ему булочку. Он отломил кусок. На стол упали крошки. Никто не ел с обеда, но жевать было трудно.

— Если выберемся, — сказал Антон, — увольняюсь в лес.

— Там тоже пила, — ответила Марина.

Он коротко выдохнул, почти засмеялся. Она тоже. По спине Ильи прошла мелкая дрожь: ему на миг стало легче, и он испугался этого облегчения, будто позволил себе закрыть глаза за рулём.

Арина включила ноутбук. В кадровой программе сохранилась локальная копия базы. Антон показал, как отключить беспроводной модуль, и попросил ничего не подтверждать. Она держала палец над сенсорной панелью, читая одно окно несколько раз.

— Там уже нажато, — сказала она.

На экране была кнопка «Присутствие подтверждено». Кнопка оставалась вдавленной. В тёмном прямоугольнике её поверхности что-то двигалось, как в очень глубоком окне.

На подоконнике включился маленький принтер для чеков. Кабель питания лежал рядом. Тонкая полоса бумаги поползла из щели.

Никто не успел к нему прикоснуться. Тимур накрыл прибор полотенцем. Под тканью продолжали двигаться ролики.

Оттуда донёсся Мишин голос:

— Я тут.

Арина медленно обернулась к контейнеру. Обе половины блокнота лежали под ним неподвижно.

— Не поднимайте, — сказала Нина.

Ткань на принтере вздулась посередине. Взялась складками, словно кто-то с другой стороны собрал её в маленький кулак. Илья видел, как из щели вытягивается чек. На нём повторялась одна строка: «Осталось место».

Ролики остановились.

Антон не отводил глаз от двери. На его левом указательном пальце, поперёк ногтя, проступила вторая чёрная черта.

Первая оказалась ближе к коже.

Только тогда Илья заметил, что полотенце на принтере двигается. Очень медленно. Оно поднималось и опадало, пока они старались дышать тише.

ГЛАВА 7

Унификация

Через двадцать семь минут на кухне стало тихо. Не потому, что перестали разговаривать. Исчезли звуки, которыми обычно заполнено помещение: гул холодильника, далёкий шум машин, движение воздуха в вытяжке. Илья слышал, как сухо трётся язык о нёбо, когда он сглатывает. Собственное тело оказалось неприлично громким.

Они успели обсудить семь способов выйти. Ни один не был просто «выбить окно». Тимур уже объяснил, как устроены наружные стеклопакеты и почему прыжок с пятого этажа не является эвакуацией. Антон проверил соединение по кабелю: локальный сервер отвечал, шлюз в интернет — тоже. Но любое обращение наружу проходило через папку с названием «Исходящие». Эта папка появилась на диске, на котором не было файловой системы.

— Она не на сервере, — сказал Антон. — Я отключил сервер, а папка осталась.

Арина нашла в базе карточку Лады. Поле фотографии было пустым, но при увеличении справа оставалась тонкая серая полоса. Примерно такая ширина осталась бы от снимка, если большую его часть отрезали. Должность: «Специалист по несоответствиям». Дата рождения не отображалась. В поле «Близкие родственники» стояло: «Не подтверждены».

Илья не мог избавиться от ощущения, что знает женщину с фотографии. Он вспомнил запах дешёвого шампуня в автобусе, лестницу в другом здании, чью-то руку на своём рукаве. Эти воспоминания не соединялись. Когда он пытался придать им последовательность, возникало знакомое утомление, как при взгляде на слишком мелкую таблицу.

Из-под двери показалась карточка. Илья видел, как бумага продвигалась толчками, останавливаясь у щели. Тот, кто её подавал, был очень близко к полу.

— Все берём вещи, — сказал Тимур. — Уходим в коридор. Не врассыпную.

Он потянул за край карточки салфеткой и перевернул. С обратной стороны проступила фотография Антона. Тот спал на боку, прижав левую ладонь к щеке. Одеяло сбилось у поясницы, подушка лежала на самом краю кровати. Снято было вплотную, с высоты головы человека, сидящего на полу.

Антон смотрел молча. Затем потрогал собственную щёку в том месте, где на фотографии её касались пальцы.

— Это сегодня, — сказал он. — Простыню вчера сменил.

Он посмотрел на разорванный ноготь. На фотографии та же рука была целой.

— Оно приходит за мной?

— Мы этого не знаем, — ответил Тимур.

Антон сглотнул. Нижняя губа побелела там, где он прижал её зубами.

Вентиляционная решётка над шкафом зазвенела. Под ней выпал один шуруп. Тимур открыл дверь и вытолкнул всех в коридор, стараясь не смотреть наверх. Коридор стал длиннее. Справа, между кухней и кабинетом директора, появилась комната с табличкой «Унификация». Вчера на этом месте висел огнетушитель. Он и сейчас висел, но на два метра дальше.

Из-за новой двери слышалось, как металлической линейкой ровняют стопу. Постукивание приближалось к краю. Стук. Пауза. Стук.

— Не смотрим, — сказал Тимур.

— А если от взгляда зависит? — спросила Арина.

Охранник стиснул челюсть. Правил было слишком много, и некоторые противоречили друг другу. Он отвернул голову ровно настолько, чтобы видеть дверь боковым зрением.

За матовым стеклом показалось плечо. Потом второе. Фигура оказалась ниже, чем на кухне, и шире. Илья понял, что она приспосабливается к дверному проёму, будто тело представляет собой материал, который можно подогнать.

Человек в сером халате вышел в коридор. Ни маски, ни крови, ни нечеловеческого лица. Редкие волосы были зачёсаны с аккуратным усилием. На переносице сидели очки без дужек. От человека пахло тёплым клеем и одеколоном, каким пользовался Ильин отец.

— Добрый вечер, — сказал он. — Кого можем принять первым?

Тимур выставил ладонь.

— Представьтесь.

— Переплётчик. Функция техническая.

Он произнёс «функция» с лёгкой улыбкой, которая должна была снизить напряжение. Обычный обслуживающий специалист, уставший от нервных клиентов. Край его халата лежал на полу ровной полосой. Когда он сделал шаг, полоса не сдвинулась.

— Мы не записывались, — сказала Марина.

— Вы работаете по трудовым отношениям. Запись осуществляется работодателем.

— Покажите документ.

Переплётчик повернул голову к ней. Внутри очков не было блика. Илья видел два тёмных зрачка и собственное отражение в каждом, слишком крупное для расстояния в четыре метра.

— Конечно.

Из кармана халата показался лист. Сначала обычный, потом всё длиннее. Переплётчик не разворачивал его; бумага выходила из кармана непрерывно, как лента. Строки шли плотным мелким шрифтом. В нижнем углу Илья увидел знакомую рыбку подписи.

Он выхватил лист.

Тимур успел поймать его за запястье. До бумаги оставалось сантиметров десять. Переплётчик спокойно ждал, сохраняя улыбку.

— Оригинал при передаче считается принятым, — сказал он.

Илья отдёрнул руку.

— Что вы сделали с Мишей?

— Обеспечили соответствие. Человек выразил желание прекратить присутствие в организации.

— Он хотел другую работу.

— Это не было указано.

Марина взяла Илью за локоть. В её пальцах не было нежности, только усилие. Она удерживала его от движения, которое он ещё не решил совершить.

Переплётчик посмотрел на Антона.

— Ваша функция уточнена. Генерация незапланированной речи. Ранее на неё расходовалось рабочее время. Теперь расход должен быть подтверждён.

— Я могу молчать, — сказал Антон.

— Уже нет. У вас образовалась очередь.

Из глубины кабинета донёсся смех. Много голосов одновременно. Илья узнал смех Светланы, директора, Полины, собственный короткий смешок. Запись смонтировали из всех шуток Антона, которые кто-то когда-то услышал.

Переплётчик протянул ему карточку.

— Просим повторить то, что было произведено без оформления. По возможности дословно.

— У меня нет записей, — сказал Антон. — Я не помню. Мы три года здесь разговариваем, я не могу всё помнить.

Смех оборвался. В наступившей тишине Илья услышал тихое всхлипывание из комнаты. Кто-то пытался всосать воздух сквозь стиснутые зубы. Переплётчик продолжал смотреть на Антона. Его веки не опускались.

— Три года, — повторил Переплётчик. — Уточнение принято.

На пальце у Антона появилась третья черта.

Тимур толкнул всех дальше по коридору. Переплётчик не преследовал их. Просто оставался на том же расстоянии, сколько бы они ни шли. Илья видел его в стеклянных перегородках. Когда перегородки кончились, отражение продолжилось в закрытых дверях.

Возле кабинета бухгалтерии стояла Нина Павловна. Она держала в руках стопку мокрых тряпок. Одну бросила на пол перед Переплётчиком.

— Уборка, — сказала она. — Участок закрыт.

Тот остановился. Нина не убирала руку. Илья увидел, как под мокрой тканью раздвигаются её пальцы. Один лёг на линолеум слишком далеко от остальных. Она прикусила щёку, дёрнула руку и оставила на полу полукруглый след крови. Переплётчик смотрел на след.

Нина Павловна посмотрела на Илью.

— Теперь спрашивайте, — сказала она. — Пока сохнет.

ГЛАВА 8

Условия уборки

Нина Павловна закрыла за ними дверь бухгалтерии и подложила под неё свёрнутую тряпку. Проверила не замок, а нижнюю щель. Потом сняла перчатки. На правой ладони через всю кожу проходила тонкая прямая полоса, белая, как старый ожог.

— Садитесь, если можете, — сказала она.

Марина осталась стоять. В собственном кабинете она выглядела менее уверенно, чем на кухне. На стене висел календарь с фотографией моря. Внизу были отмечены дни рождения сотрудников. На месте Мишиного имени стояла пустая клетка, и Марина всё время возвращалась к ней взглядом.

— Вы знали, — сказала она.

— Знала часть.

— Человека порезало. Не бумагу. Человека.

Нина Павловна опустила голову. Впервые за вечер она показалась Илье женщиной своего возраста, уставшей после смены. Это не сделало её невиновной. Ему захотелось толкнуть её в коридор, оставить с серым человеком и услышать, как она начнёт просить. Он испугался собственного желания, потому что оно было простым и удобным.

— Говорите, — сказал Тимур.

Она рассказала про помещение в подвале, которого нет в плане. Про старую компанию, занимавшую этот этаж до «Свода». Про то, что оборудование пришло с актом передачи, а акт нельзя было оставлять без подписи. Она рассказывала осторожно, с остановками перед существительными. Даты называла только годами, имена не называла совсем.

— Они не могут просто забрать, — сказала она. — Нужно, чтобы человек оказался согласован. Иногда хватает чужой подписи. Иногда просят подтвердить, что его нет. Иногда человек сам говорит: «Меня здесь нет». По телефону. В ответ на вопрос. Слова становятся документом, если их принял тот, кому положено принимать.

— Кто «они»?

— Я не знаю.

— Переплётчик?

— Он обслуживает.

— Что?

— То, что остаётся, когда всё приведено в порядок.

Антон сел на край стола. Он делал это всегда, когда нужно было придать себе вид небрежного посетителя. Теперь ноги не доставали до пола, хотя раньше доставали. Он заметил это и сразу встал.

— Значит, мы не подписываем, не отвечаем и ждём утра.

Нина Павловна молчала.

— Что с утром? — спросила Арина.

— Оно приходит к тем, кто завершил день.

В коридоре послышались шаги. Медленные, с паузой после каждого третьего. Дверная ручка повернулась вниз и остановилась. Тряпка под дверью оставалась влажной. Илья не понимал, как кусок ткани удерживает то, что не удерживает отключённый электромагнит, и от этой разницы начинало кружиться в голове.

— Уборка закрывает участок, — сказала Нина Павловна, заметив его взгляд. — В старом регламенте так. Не ходить по мокрому полу. Потом придумали новые инструкции, а старые остались.

— Так зальём всё, — сказал Антон.

— Не получится. Вода должна быть принесена для уборки. Нужно выполнять работу, а не изображать.

— Какая принципиальная мразь.

Арина перелистнула жёлтую инструкцию.

— Откуда вы это знаете?

Нина Павловна долго разглядывала ладонь. Потом сказала:

— Я была в расчётном отделе. Здесь, в старой компании. В одиннадцатом году. У нас пропали двенадцать человек. Мы оформили, что они уволились до пожара.

Илья услышал слово «пожар» так, будто рядом внезапно открыли дверь на улицу. Холод прошёл вдоль позвоночника. Он знал, какое будет следующее предложение, и всё равно не сумел остановить её.

— Ваш брат был среди них.

Арина подняла глаза на Илью. Он отвернулся.

В официальной истории Максим исчез после смены. О пожаре в архиве говорили в новостях; его имя в списке пострадавших не появлялось. Мать ездила по больницам. Илье было девятнадцать. Он тогда подписал бумагу, что получил личные вещи брата, потому что иначе их не отдавали. В пакете были ремень, пропуск и телефон без батареи. Он помнил запах пакета, зелёный стол следователя, липкую ткань подкладки куртки. Помнил, что ему сказали: «Здесь формальность».

— Вы знали, где он, — произнёс Илья.

— Нет. Я знала, что его отсутствие неправильно оформлено.

Он шагнул к ней. Тимур встал между ними без слов.

— Где исходная ведомость? — спросила Марина.

— Внизу. В старом архиве. Но прежде чем идти, нужно найти того, кто сохранил край. Иначе вы прочитаете то, что они захотят показать.

— Женщина, — сказал Илья. — На сером листе. Лада.

В коридоре остановились шаги.

Нина Павловна закусила губу. В дверной щели показался тонкий белый уголок. Тряпка рядом начала высыхать, темнея по ровной линии.

— Вы видели её целиком?

— На фотографии.

— Сейчас где фотография?

— Исчезла.

Нина Павловна кивнула, будто это было ожидаемо.

— Она ищет свидетеля. Долго ищет. Я думала, уже не осталось.

— Свидетеля чего?

— Того, что она была.

Дверь заскрипела. Металлическая ручка стала чуть длиннее. Илья видел, как под покрытием проступает древесный рисунок, словно металл не менялся, а вспоминал другой материал.

Тимур взял Нинино ведро.

— Сколько времени даёт уборка?

— Пока не высохнет.

— Марина, у вас вода есть?

Бухгалтер достала из-под стола пятилитровую бутыль. Тимур налил в ведро и молча протянул Нине Павловне. Та надела перчатки. На секунду Илье показалось, что она заплачет, но она только нагнулась и разжала мокрую тряпку.

— Я пойду к копировальной, — сказал он. — Там началось.

— Не один, — ответила Арина.

Она подняла ноутбук, завернула в свой кардиган и прижала к груди. Марина осталась с Ниной Павловной и Тимуром. Нужно было сохранить комнату, найти старые договоры и не дать воде закончиться. Антон пошёл за Ильёй и Ариной, пряча исполосованную руку.

У двери он остановился и спросил:

— Это уже навсегда? — Он чуть приподнял повреждённую руку.

Марина посмотрела на него с такой жалостью, что он опустил глаза.

— Не знаю, — сказала Марина. — Я пока не понимаю, как это остановить.

Он кивнул, словно услышал ответ на обычный вопрос, и вышел в коридор, придерживая больную руку здоровой.

ГЛАВА 9

Левое поле

Копировальная была заперта изнутри. Под дверью лежал серый прямоугольник. Илья не сразу понял, что это тень: в коридоре горели все лампы, и свет должен был падать в другую сторону.

Арина нашла на ноутбуке инвентарную карточку резака. В ней значилось: «Передан вместе с помещением. Комплектность: стол, нож, прижим, свидетель». Графу со свидетелем заполняли другим шрифтом. При увеличении буквы оставались одинакового размера, зато увеличивалось расстояние между ними.

— Может, раньше так называлась какая-то деталь, — сказала она.

Антон посмотрел на неё.

— Я понимаю, — ответила Арина. — Просто очень хочется.

Илья постучал. Один раз. Дверь отозвалась звуком пустой картонной коробки.

За ней женщина сказала:

— Не открывайте полностью.

Голос был близко, на уровне замка. Илья не спросил, кто говорит. Нужное имя стояло в голове так ясно, будто его уже произнесли.

— На сколько?

— До ограничителя. Он ещё держит.

Дверь поддалась. Её остановила цепочка, которой раньше не было. В щель виднелись тумба, угол принтера и рукоять ножа. Резак стоял на прежнем месте, однако копировальная стала шире. Между тумбой и окном помещался ряд рабочих столов. За ними сидели люди лицом к стене. Одновременно повернуться они не могли бы: столы стояли слишком плотно.

Илья узнал Мишину рубашку на третьем стуле.

— Не зовите, — сказала женщина. — Он ещё слышит. Ему будет хуже.

У самого порога появилась кисть. Плоская, как вырезанная из толстого серого картона. За ней показалось женское лицо. Оно существовало только в узкой полосе: один глаз, часть носа, угол рта. Когда женщина поворачивалась, полоска смещалась по чертам, показывая их по очереди. Целиком голова не помещалась в то, что с ней осталось.

Арина зажала рот. Антон упёрся ладонью в стену. Илья почувствовал непроизвольное отвращение и постыдился его. В полосе улыбнулся человеческий рот, натянутый от усилия.

— Давно не разговаривала с новыми, — сказала Лада. — Обычно они сначала пытаются закрыть.

Она подвинула ногой лист к двери. Нога была видна до щиколотки, дальше обрывалась в вертикальной границе. На листе напечатали фотографию их коридора. У фотографического окна стояла Марина. Судя по свету, снимок сделали несколько лет назад, но Марина была одета в сегодняшний свитер.

— Мне нужен край, — сказала Лада. — Самый первый. Ваших копий недостаточно.

— Где он?

— У того, кто принял вещи. Посмотрите, что вам вернули.

Илья прижал пальцы к переносице. Слова встали рядом с воспоминанием о пакете Максима. Пропуск, ремень, телефон. И ещё маленький конверт, который мать спрятала в коробке с семейными фотографиями.

— Это дома.

— Пока да.

Антон склонился к щели.

— Вас можно вытащить?

Женский глаз на мгновение закрылся. Когда открылся, Илья увидел в нём усталость без всякой загадки.

— Можно вернуть то, что ещё есть в памяти. Но нужен человек, который помнит меня до обрезки. Вы знаете мою фамилию. Это мало.

— Я видел фотографию.

— Я её вынесла. У меня получилось на минуту. Бумага свежая, на ней легче удержаться.

— Вы здесь с одиннадцатого?

— Мне двадцать семь, — сказала она. — Мне всё ещё двадцать семь. Не считайте за меня, пожалуйста.

Она указала на пол возле принтера. Там лежал тонкий зелёный обрезок. Илья просунул ладонь в щель. Лада отпрянула, и он остановился. На внутренней стороне двери, почти у самой его кисти, были приклеены губы. Пара человеческих губ, лишённых лица. Они медленно размыкались, пытаясь обхватить палец.

Он отдёрнул руку.

— Не суйте руку, — сказала Лада.

Илья вытер ладонь о рубашку. На коже осталась влага. Он посмотрел на губы, всё ещё двигавшиеся у замка. Между ними виднелась десна. Больше там не было ничего — ни щеки, ни части лица, которое можно было бы хотя бы попытаться представить целиком.

— Я тоже не сразу увидела, — сказала Лада. Она держала свою ладонь закрытой. Из-под пальцев просвечивал ровный белый край.

Арина сняла ремень с ноутбука и обмотала его вокруг ручки швабры, оставленной возле стены. Вышло неловкое подобие петли. Антон хотел помочь, но она жестом остановила его исполосованную руку. С третьей попытки зелёная полоска прилипла к ремню. Арина осторожно вытянула её наружу.

На обрезке сохранилась половина печати и дата — двадцать первое ноября две тысячи одиннадцатого. Ниже шли последние буквы фамилии: «…ронов». Илья смотрел на них, чувствуя, как тесно становится в груди.

— На той стороне написано, кто выдал, — сказала Лада.

С оборота стояла его собственная подпись.

Подписывался Илья тогда иначе. Неуверенно, старательно выводя первую букву. Он узнал даже крошечную ошибку, из-за которой стыдился своего росчерка: нижний штрих уходил вверх, и фамилия напоминала крючок.

— Почему вы отдали её сейчас?

— Раньше вы не видели.

— Я здесь работаю третий год.

— Знаю. Я стучала. Вы надевали наушники.

Она сказала это без обвинения. Илье стало хуже, чем если бы она закричала.

За столами в глубине люди одновременно выпрямили спины. Лада повернула голову туда, и её лицо почти исчезло.

— Отойдите.

— Мы вернёмся.

— Вернуться легко. Сложнее принести себя.

Цепочка натянулась сама. К двери подошли со стороны принтера. Илья увидел ладонь Миши на столешнице: пальцы были сложены ровно, как при фотографии на пропуск. На среднем пальце сохранилось маленькое кольцо, подарок невесты. Он помнил, как Миша показывал его, краснея от собственной серьёзности.

Арина потянула дверь к себе. Губы на косяке раскрылись, и из них вышел длинный сухой язык. Он потянулся к ремню ноутбука. Антон перерезал ремень складным ножом, которым обычно открывал коробки. Дверь захлопнулась.

С той стороны кто-то негромко сказал:

— Оригинал принят.

Арина посмотрела на обрезанный ремень. Кончик теперь покрывался чёрными строчками. По ним можно было прочитать её полное имя.

Она положила ремень на пол.

Его тут же втянуло под дверь.

Из копировальной донёсся голос, в точности повторивший её утреннее «Я только третий день работаю».

Лада ответила ему очень тихо:

— Я тоже.

ГЛАВА 10

Внешний контур

Марина не поверила в подпись, пока не увидела обрезок. Держала его в прозрачном файле, поворачивала к настольной лампе. От бумаги не исходило ни сияния, ни холода. Маленькое вещественное доказательство, которое можно было вложить в конверт, отправить заказным письмом и забыть, пока не придёт уведомление.

— Подписали получение вещей, — сказала она. — Это не согласие на что угодно.

— Там было несколько страниц.

— Вы читали?

Илья посмотрел на неё.

Она кивнула. Больше не спрашивала.

Директор пришёл сам, без вызова. Постучал коротко, два раза, и назвался по имени. Тимур заставил его показать обе руки через стекло. Вадим повиновался с обидой человека, чья должность перестала действовать раньше, чем он сам успел уйти.

— Я могу организовать выход, — сказал он с порога.

— Начните с себя, — ответила Марина.

— Вы хотите меня наказать или выбраться?

Нина Павловна молча отжала тряпку. Вода в ведре оставалась чистой, хотя пол давно должен был испачкать её. Илья увидел на поверхности отражение другого потолка: деревянные балки, провод на фарфоровых роликах. Он отвернулся.

Вадим положил на стол служебный ключ от технического лифта.

— Шахта независимая. Ведёт в разгрузочную. Я спускался утром.

— Утром не считается, — сказал Тимур.

— Там механический замок. Без считывателя. Мы проверим вдвоём.

Тимур взял ключ, но не поднялся. Он попросил план здания. Вадим объяснил, где хранится бумажный экземпляр. Марина достала из шкафа свой: вкладывала его в документы по страховке. На плане было шесть этажей, подвал и техническое подполье. На пятом копировальная занимала обычный прямоугольник. Никаких рядов столов, естественно, не значилось.

Арина поднесла к плану ноутбук с электронным чертежом. Несовпадение оказалось маленьким: между стеной копировальной и наружным фасадом не хватало сорока семи миллиметров. Она замерила ещё раз. В другом месте расстояние стало больше. Площадь сохранялась, но её переносили по зданию.

— Оно режет и перекладывает, — сказал Илья.

— Что именно?

Он указал на исчезнувший кусок.

Вадим закрыл глаза. Усталость на его лице выглядела старше самого директора.

— В договоре это называется оптимизацией размещения.

Илья хотел спросить, сколько людей тот уже «разместил», но зазвонил телефон. Мать. Экран показывал её обычную фотографию, снятую на даче. Он так резко схватил аппарат, что порвал край файла с обрезком.

— Мам?

— Я сделала, как ты сказал. На кухню не иду.

— Где ты?

— В комнате. Дверь подпёрла комодом. Там кто-то ходит.

Илья зажмурился. За его спиной Марина отвернула лицо к стене, давая ему нелепую вежливую возможность разговаривать наедине.

— Не открывай. Сейчас я позвоню соседям. Тамара Васильевна дома?

— Не знаю. Я стучала. Она постучала в ответ. Потом перестала.

— Может, просто телевизор слушает.

Илья услышал, как жалко прозвучало это объяснение. Мать промолчала. Её молчание возвращало ей обычный характер: она не любила утешений, сделанных наспех.

— Он уронил чашку, — сказала она. — Я слышала, как она разбилась. Потом чашка снова стояла на столе. Я выглянула, когда шла к комнате. Илюш, я не понимаю. Я же не сплю.

— Ты всё правильно делаешь.

— Не говори со мной как с больной.

Он опустил голову.

— Там коробка с фотографиями. Нижний ящик. Есть конверт с вещами Макса. Мне нужно, чтобы ты достала его и посмотрела, что внутри.

— Он на кухне, — сказала мать.

— Нет, конверт у тебя в комнате.

— Я про Максима.

За её голосом послышалось тихое шарканье. Кто-то провёл ладонью по обоям. Илья знал эти обои, рельефные, светло-зелёные, с маленькими листьями. Мать сама клеила их после пропажи, потому что не могла оставаться в квартире без дела.

— Мам, слушай только меня. Не отвечай ему.

— Он говорит, что замёрз.

— Мам.

— Я пятнадцать лет думаю, не замёрз ли он где-нибудь. Ты понимаешь?

Илья не ответил. Впервые за много лет он услышал настоящую форму её ожидания. Мать не ждала звонка следователя. Она ждала, что сыну станет тепло.

— Это не он, — сказал Илья. — Я не знаю, что это, но не он. Настоящий Макс не попросил бы тебя выйти к нему так.

На другом конце долго молчали. Потом заскрипел ящик. Мать начала перебирать вещи, называя их вслух. Открытки, старые квитанции, фотографии с моря. Маленький конверт нашёлся в пакете с паспортной обложкой отца.

— Тут полоска от фотографии. Совсем узкая. У него плечо, наверное. И печать кусочком.

— Не отдавай. Что бы он ни говорил.

За стеной в её комнате кто-то вздохнул. Потом раздался мужской голос, молодой и обиженный:

— Илюха, ну ты же получил. Скажи ей.

Илья почувствовал, как по ладоням идёт пот.

— Мам, запри конверт в шкатулку. Лучше заверни в ткань и держи при себе. Не разговаривай с ним.

— Он плачет.

Теперь Илья тоже слышал. Человек на кухне пытался плакать без дыхания. Звук повторялся неестественно ровно. На пятом всхлипе он запнулся, будто сбился со счёта, и начал сначала.

Мать тихо сказала:

— Максим никогда так не плакал.

— Знаю.

— У него нос закладывало. Он дышал ртом.

Из кухни донёсся глубокий вдох. Голос попробовал снова, теперь с открытым ртом.

— Не учи его, — сказал Илья.

Вадим побледнел и отступил к двери. Нина Павловна повернулась к окну так резко, что ведро опрокинулось. Вода растеклась по полу, но возле стены собралась в прямоугольник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.